

ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ

(Начало на 1-й стр.)

ре еще 7 человек, которые очень приблизились к цифре 18.

Во II туре накал борьбы усилился. Программы выступлений были также чрезвычайно интересными, стали более продолжительными. Их украсили Музыкальные моменты и транскрипции, обязательная соната № 2 и романсы. Многочисленная публика активно «заявляла» о своих симпатиях, появились и первые интервью с членами жюри, обзоры в печати «независимых» корреспондентов. Естественно, что кто-то из участников усилил здесь свои позиции, кто-то и потерял их.

Перед жюри в конце II тура встал сложная задача отбора сильнейших 8 пианистов. Таковы требования Положения о конкурсе. Они, в частности, не разрешали суммировать результаты I и II туров при прохождении в финал, что вызвало дискуссию в жюри. По моему мнению, правило это вряд ли справедливо по отношению к рахманиновскому конкурсу, не имеющему отборочных этапов, сразу же ставящему перед исполнителем серьезнейшие художественные и технические задачи. Справедливее было бы учитывать весь путь конкурсанта перед финалом, а не только результаты II тура.

Чрезвычайно интересным был камерный раздел финала (уже в Большом зале). Надо отдать должное Московской филармонии, которая выделила из числа солистов оркестра МГФ талантливых скрипачей и виолончелистов, сумевших в короткий срок подготовить три и виолончельную сонату и на высоком художественном уровне выступавших вместе с финалистами (что нельзя сказать о вокалистах — одна только Т. Гриднева доставила слушателям истинное удовольствие). Почти все финалисты оказались неплохо подготовленными к камерному туру. Несмотря на явно недостаточное для репетиций время, они показали хорошую ориентацию в ансамблевых трудностях, знание партитуры. Особенно хотелось бы отметить исполнение трио Д. Рацем, А. Корниенко, сонаты для виолончели К. Щербаковым, И. Осиповой, А. Писаревым.

И, наконец, концерты с оркестром! Здесь больше всего сказались необычайные трудности программы и расписания конкурса. Далеко не все участники этого «пути не Голгофу» сохранили силы для выступления с оркестром, для исполнения труднейших концертов Рахманинова. Репетиции и выступления начались без какого-либо перерыва на следующий же день (после камерного тура), что иначе как организационной неудачей не назовешь. Поистине это было труднейшее испытание! И выдержали его по-настоящему только 3 финалиста — А. Писарев, К. Щербаков, И. Осипова.

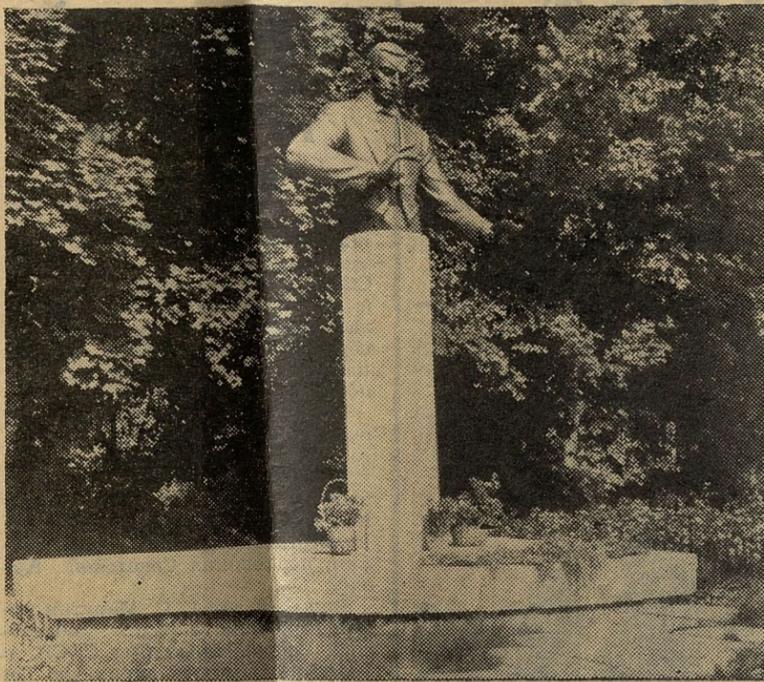
Д. Рацер, А. Моркович (кл. доц. В. П. Стародубовского), С. Сенков (рук. — проф. Т. Д. Гутман), хорошо показавшие себя во всех предыдущих этапах, оказались не вполне подготовленными к последнему испытанию — они получили дипломы. А. Вотвинов (кл. доц. А. А. Кардашева) — одаренный пианист, самый молодой участник конкурса, отлично выступавший в I и II турах, к сожалению, менее ярко проявил себя в камерной музыке и не выдержал испытание 3-м концертом Рахманинова. А. Корниенко (рук. проф. В. В. Горностаева) — в общем-то зрелый музыкант, показавший умение серьезно мыслить, хорошие качества ансамблиста, яркий темперамент, выступал, однако неровно. Они стали лауреатами III премии.

Получившая II премию И. Осипова — уже лауреат парижского конкурса, опытный музыкант, ровно прошла весь конкурсный путь. Ее отличали заметные успехи во всех турах — яркое исполнение Вариаций на тему Кореллы, сонаты № 2, один из лучших аккомпанементов романсов, отличная интерпретация виолончельной сонаты, крепкая и уверенная игра с оркестром.

Настоящим открытием конкурса стали два молодых консерваторца — К. Щербаков (кл. проф. Л. Н. Наумова), А. Писарев (кл. проф. С. Л. Доренского). Они по праву стали лауреатами I премии. Их выступления обратили на себя всеобщее внимание яркостью таланта, богатством фантазии, глубоким проникновением в стиль исполняемой музыки, выдающейся виртуозностью, красочностью игры. Каждый из них имел свой взгляд на музыку Рахманинова, что делало их высказывания особенно интересными. Они достойно выдержали этот труднейший конкурс. Дарования их, несомненно, очень перспективны и хочется от всей души пожелать им успеха в многотрудных будущих испытаниях.

Жюри сочло необходимым особо отметить успехи педагогов Горьковской консерватории — проф. И. И. Каца, и о. проф. О. С. Виноградовой, доц. О. А. Лебедевой — в подготовке группы талантливых исполнителей для этого конкурса. За творческие достижения 10 пианистам, игравшим в одном из двух турах (О. Лысовой, Н. Кибардиной, В. Кузоватову, Н. Деевой, И. Давыдовой, А. Молчанову, Н. Измаилову, М. Шамсиевой, В. Шкарупе, Д. Френкелю), были вручены специальные призы Московской филармонии, фирмы «Мелодия», издательства «Музыка», музея им. М. И. Глинки, музея им. С. В. Рахманинова в Ивановке, Союз советских композиторов. Кроме того, все участники II тура награждены грамотами. Фирмой «Мелодия» будет издана пластинка с записью игр лауреатов. Состоится концерты победителей в Ленинграде, Тамбове, в Ивановке, на радио.

Большая работа проделана конкурсным отделом Министерства культуры СССР по подготовке и организации и проведению этого интереснейшего соревнования. Постоянное внимание к конкурсу проявлял ректор Московской консерватории проф. Б. И. Куликов. Все члены жюри благодарят проректора В. К. Частных, который (вместе со своими сотрудниками) сумел создать все условия, необходимые для работы жюри, занятий и репетиций участников конкурса, с первого и до последнего дня помогал успешно решать возникавшие трудности. Интереснейший праздник музыки закончился. Он был высоко оценен руководством Министер-

НА СНИМКЕ: памятник С. В. Рахманинову в Ивановке.

Фото В. ВОСТРИКОВА.

ства культуры СССР, имел большой резонанс среди музыкантов и широкой публики. Конкурс несомненно окажет благотворное влияние на формирование вкуса молодых исполнителей, будет способствовать популяризации редко звучащих сочинений Рахманинова, поможет очистить исполнение рахманиновской музыки от чуждых ей чрезмерной чувствительности, грубой эстрадности и других проявлений плохого вкуса. Он, несомненно, сыграет свою роль и в определении современного стиля исполнения. Вопрос этот, вероятно, нельзя решать однозначно. Но, пытаясь осознать особенности исполнительского искусства нашего времени, вновь и вновь приходишь к мысли о важности вклада Рахманинова в мировое искусство интерпретации. Гений Рахманинова-пианиста поражает и сейчас современностью мышления, неповторимой выразительностью игры, умением открывать новые грани в, казалось бы, давно известных сочинениях. Способность проникать в художественный смысл произведения при помощи постижения особенностей музыкальных связей внутри произведения, а не путем привнесения каких-то «внешних» программ — это известное кредо Рахманинова-исполнителя — представляется чрезвычайно важным при осознании современного стиля интерпретации. Думаю, что настала пора большего внимания к этой теме со стороны кафедры истории и теории пианизма.

Конкурс памяти Рахманинова — новое начинание. Но уже сейчас стало ясно выдающееся, основополагающее значение этого события для дальнейшего развития музыкальной культуры в нашей стране. Нет сомнений в том, что оно еще больше подчеркнет силу благотворного влияния творчества великого композитора в деле эстетического воспитания слушателей, особенно молодежи. Учитывая всемирную популярность его музыки, его славу величайшего представителя русского фортепианного искусства, закономерным является желание видеть этот конкурс международным.

Воздадим же должное замечательной музыке Рахманинова и пожелаем конкурсу его имени долгих лет жизни!

Профессор В. К. МЕРЖАНОВ, народный артист РСФСР, заместитель председателя I Всесоюзного конкурса памяти С. В. Рахманинова.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНКУРСЕ

Сегодня ведется много споров о том, каким быть молодому исполнителю. Кто он: охранитель традиций или открыватель новых горизонтов, точный проводник авторской идеи или художник, жаждущий выразить себя? Еще 20—30 лет назад эти и подобные им вопросы не стояли так остро. Сегодня мы — в их эпицентре, и было бы преждевременным однозначно ответить на них. Вместо ответа — еще вопросы. Почему столь резко обозначились полюса «или—или»? Не потому ли, что аспект личностного, артистически неповторимого и индивидуального — тот самый центр, концентрирующий в себе и примиряющий конфликтующие полюса, — в нынешнем молодом исполнительстве несколько ослаблен? Не потому ли, что само понятие исполнительской (вернее, музыкантской) личности в наши дни ищет своих новых граней?

Техническое мастерство, корректная культура чувств, умение сохранять пиетет перед авторским текстом — ко всему этому мы привыкли. Вспомним последний конкурс имени Чайковского: мы искали иного; мы ждали встреч с яркими творческими озарениями. То же чувство ностальгии по личности, наверное, многие из нас испытывали и на

прослушиваниях рахманиновского конкурса.

Излишне здесь повторять, что личность и самовыражение за инструментом — понятия далеко не тождественные. Личность проявляется в том, насколько исполнителю удалось проникнуть в тайну авторской идеи, слиться с ней. Личностное исполнение — это встречное движение двух духовных миров.

Мир музыки Рахманинова щедр. Рахманиновское почти отождествляется в нашем сознании с самим понятием фортепианности (это уникальное ощущение мастером живой и податливой фортепианной ткани!). Рахманиновское органично в нас, возвращенных на традициях русской пианистической культуры. Казалось бы, очевидно и просто. Эта простая очевидность до начала конкурса даже настораживала: не станет ли конкурс слишком ровным и благополучным, не будут ли исполнения тиражировать одно и то же, хорошо знакомое по нашей учебной повседневности? Нет, этого не было. В процессе соревнования уже скоро стало ясным, что боязнь ординарности направляла пианистов в иную крайность. И как часто стремление к оригинальности невольно приводило к искажению столь богатой природы рахманиновского творчества! Естественно, что конкурс вызвал все те же — уже банальные — вопросы «или—или». Они бы не возникли, если бы мы встретились

с личностями, способными быть адекватными высокой рахманиновской поэтике... А Щербаков? А Писарев? Да, в их исполнительских обликах — интереснейшие личностные перспективы. Щербаков уже в пути к своему артистизму; Писарев сделал первые шаги на пути становления ярко индивидуального исполнительского «Я».

Светлый, точный, чуть скрытый в себе — Рахманинов Писарева; суровый и одновременно выразительный, острый и резолентный — Рахманинов Щербакова; экспрессивный, по-ораторски открытый, стремящийся утвердить себя — Рахманинов Осиповой; сорок шесть участников конкурса — многоликий Рахманинов. Но данные более чем краткие характеристики скорее относятся к исполнительским манерам самих участников, более или менее удачно спроецированным на рахманиновский стиль. Насколько же индивидуальности подавляющего количества участников оказались созвучными творческой щедрости Рахманинова? Состоялись ли те самые «очевидные» рахманиновские озарения, звучала ли его бесконечно богатая русская душа — ликующая, смятенная, очарованная, сомневающаяся... единая и безграничная в своих обличьях?

Конкурсное бытие рахманиновского искусства оказалось в этом отношении слишком, пожалуй, расщепленным и рассредоточенным в различных исполни-

тельских манерах: каждому из участников удалось (или не удалось) лишь отчасти достичь того, что мы называем гармонией субъективных (личностных) и объективных (эстетически-стилевых) свойств. Нередко личные (относительно не личностные) привнесения казались инородными в рахманиновской стилистике, иные же пианисты оказались робкими: их ученическая честность в выполнении текстовых обозначений не свидетельствовала о действительном понимании того, что скрыто за этими обозначениями. Со-бытие искусства Рахманинова и его прочтений, пожалуй, ни у кого не стало событием.

Тут-то и обнаружился парадокс: искусство Рахманинова, казалось бы, близкое и понятное, явилось для многих исполнителей недосыаемым; открытое и идущее навстречу, оно — для многих! — оказалось недоступным и замкнутым в себе. Могла ли эта новая очевидность так четко о себе заявить, не будь конкурса? Вероятно, нет. Музыка композитора, до сих пор растворенная в наших профессиональных буднях, представлялась менее проблематичной. Конкурс по сути сфокусировал и остро поставил проблему исполнительской стилистики рахманиновского наследия. В то же время данное соревнование явилось верным барометром и по отношению к тем более общим проблемам, которые сегодня особенно актуальны в

молодом пианизме. Связаны они отнюдь не только с узкопрофессиональными задачами. Истинная нивелировка индивидуальной звуковой окрашенности инструмента, обеднение интонационной выразительности, сухость кантилены — все это, увы, было на конкурсе, и все это говорит о некотором — вольном или невольном — забвении свойств, исконно присущих отечественной пианистической школе. Не только техника и конкурсная безотказность, но и романтическое творческое беспокойство. Как последнее было свойственно игре наших недавних предшественников, и как к этому зовет благодатная музыка Рахманинова! Но именно этого-то более всего и не хватало на конкурсе.

Если бы все было радужным и благополучным, конкурс не имел бы той актуальности, которую он в себе обнаружил. Его рождение своевременно. И то, что идея такого соревнования возникла именно в недрах фортепианного факультета Московской консерватории, призванного сохранять и развивать традиции русского пианизма, — факт благотворный и симптоматичный.

Нередко можно услышать мнения о том, что рахманиновское искусство уже в прошлом. Нет. Проблемы, поставленные конкурсом, говорят о том, что его искусство как квинтэссенция фортепианности устремлено в будущее. И еще будут встречи с романтиком Рахманиновым, искусство которого способно воспитать личность в музыканте. В этом — историческое призвание конкурса, носящего его имя. В. П. ЧИНАЕВ, кандидат искусствоведения.